

УДК 1(091)

А. А. Романов

*аспирант кафедри філософії та основ общегуманитарного знання
Одеського національного університету імені Й. Й. Мечникова*

Г. С. САЛЛИВАН В ТЕНИ Х. КОХУТА: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Введение. Психианализ и психотерапия, оформляясь в качестве социального института и совокупности теорий, далеко не сразу приняли те очертания, которые характерны для них сегодня. Формируясь на рубеже XIX и XX веков, классический психианализ З. Фрейда испытал огромное интеллектуальное влияние доминировавших в то время натуралистически-сциентистских представлений. Одним из следствий этих влияний стало то, что понятие переживания, в отличие от таких метапсихологических конструктов, как «либидо», «катексис», «ид», «эго», «супер-эго», не вошло в концептуальный аппарат классического психианализа.

Именно в интерперсональном психианализе Г.С. Салливана (1892–1949) человеческие переживания в контексте их развития и коммуникации стали основным предметом исследования. Однако подход Г.С. Салливана [4], в отличие от теорий З. Фрейда [6] и других классиков психианализа, практически не встретил рефлексивного научно-философского отклика. Тем не менее, философско-методологический анализ теорий Г.С. Салливана в их историко-философском контексте поможет многое прояснить не только в логике модернизации психианализа, но и в специфике современной культурной и философской ситуации. Концептуальное и методологическое игнорирование проблематики переживаний, характерное для первого поколения создателей психотерапии и их институциональных приемников, имеет под собой целый ряд философско-методологических оснований. Экспликация такого рода оснований – сложная и до сих пор не решенная историко-философская задача. С ней тесно переплетается задача экспликации философско-методологических оснований интерперсонального психианализа Г.С. Салливана и современной психотерапии в целом. В исследовании мы ставим перед собой частную задачу: прояснить, почему более поздняя и ограниченная модернизация психианалитической методологии, предпринятая Х. Кохутом, затмила значительно ей предшествующие и лучше обоснованные новации Г.С. Салливана. Данная задача никогда не ставилась в истории исследований психианалитической методологии. Имплитное предположение о релевантности данной задачи содержится лишь в книге американского исследователя интерперсонального психианализа Ф.Б. Эванса [7].

1. Философско-методологические основания интерперсонального психианализа Г.С. Салливана.

В отличие от З. Фрейда, Г.С. Салливан во многом ориентировался на методологию стремительно развивавшихся в XX веке гуманитарных и социальных наук. Впечатляющие результаты, полученные благодаря применению чисто коммуникативно-психологических методов к лечению «априорно некурабельных» пациентов в 1920-е годы, подтолкнули Г.С. Салливана к углубленному изучению проблематики переживаний, коммуникации, психического развития и методов терапевтического взаимодействия. Интерес к данной проблематике, подкрепленный наработками в сфере лингвистики и культурной антропологии, а также переориентация психиатрии на принципы гуманитарных и социальных наук стали основаниями интерперсональной теории Г.С. Салливана.

Другой интенцией Г.С. Салливана было стремление уйти от механистического концептуального аппарата классического психианализа в пользу более «человекообразной» лексики, что соответствует общей направленности в философии и гуманитаристике XX века на совершенствование языка описания человеческого опыта. Г.С. Салливан также стремился уйти от биологического обоснования психической жизни и патологии отдельного существа к рассмотрению человеческого существования в контексте его связанности с существованием других людей.

В данном ракурсе переживания и смыслы становятся первичной реальностью, а не чем-то производным от инстинктивных влечений. Предметом исследования оказываются способы организации переживаний, качество интерперсональной связанности и интерперсональные навыки, а психотерапевтическая процедура переориентируется на вовлечение клиента в терапевтическую коммуникацию, содействующую его эмоциональному, когнитивному и интерперсональному развитию.

В подходе Г.С. Салливана важным аспектом терапевтического взаимодействия и психического развития становится обеспечение атмосферы интерперсональной безопасности, то есть снижение тревоги до ее переносимых форм. Психологическая трактовка тревоги и ее роли в нарушениях коммуникации и развития, безусловно, была одним из факторов (наряду с особым вниманием к таким человеческим потребностям, как забота, самоуважение и связанность с другими людьми), способствовавших переориентации психиатрии и психианализа в русло современных гуманитарных представлений о человеке.

2. Философско-методологические основания селф-психологии Х. Кохута.

Фигура Хайнца Кохута (1913–1981) – одна из определяющих для современного американского психианализа. Будучи долгое время ортодоксальным и авторитетным последователем З. Фрейда, удостоенным за это даже прозвища «Мистер Психианализ», и занимая в 1964–1965 годах пост президента Американской психианалитической ассоциации, он на рубеже 1960–1970-х годов реализовал значимый отход от теории влечений и классического психианализа. В то же время Х. Кохуту удалось сохранить за своим проектом модернизации психианалитической теории и практики статус легального направления современного психианализа. Направление, разработанное Х. Кохутом получило название «селф-психология» («Self-psychology», что нередко переводится на русский язык как «психология самости» или даже «Я-психология»). Понятие «селф» («Self» или «самость») – стало одним из центральных понятий теории Х. Кохута. Понятие «селф» обозначило в теории Х. Кохута психическую структуру, обеспечивающую связность психических процессов и отвечающую за организацию многообразия переживаемого опыта. Этот методологический дрейф от объективирующего концептуального аппарата классического психианализа к осмыслению человеческой субъективности и субъективации не был радикальным новшеством теории Х. Кохута, поскольку подобные идеи неоднократно высказывались как в рамках психианализа, так и за его пределами. Однако именно Х. Кохуту удалось вписать свое имя в официальную «историю победителей» не просто в качестве автора одной из многочисленных психианалитических концепций, но как чуть ли не самого оригинального клинического новатора после З. Фрейда, создавшего свои теории из откровений собственного опыта.

Другими значимыми методологическими акцентами в теории Х. Кохута были его утверждения о том, что эмпирическое психианалитическое исследование должно быть ограничено методами эмпатии и интроспекции. По сути, это требование, озвученное еще в статье Х. Кохута 1959 года «Интроспекция, эмпатия и психианализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией» [2], означало легитимизацию умеренного отхода от теории влечений и фрейдовской метапсихологии. Предметом психианализа должны были стать не гипотетические инстинкты, влечения и другие метапсихологические конструкты, но непосредственно данные (благодаря эмпирическим методам эмпатии и интроспекции) психические феномены.

Несмотря на заложенный в селф-психологии новаторский методологический вектор на преодоление спекулятивного и антиэмпирического потенциала классического психоаналитического интерпретативного дискурса, Х. Кохуту не удалось быть в полной мере последовательным. Так, на месте прежней метапсихологии он создал новую метапсихологию, переполненную старыми энергетическими, экономическими метафорами и объективирующими моделями, что делало его подход сложным для теоретического постижения и ощутимо противоречивым. Кроме того, Х. Кохут был во многом ориентирован на подчеркивание своей преемственности классической психоаналитической традиции, что вело к половинчатости его клинических и теоретических заключений. Так, он признавал права классической метапсихологии и теории влечений для характеристики внутреннего мира невротических пациентов, описываемого традиционной фрейдовской «моделью конфликта». При этом он настаивал на том, что широкий класс так называемых «нарциссических» пациентов, типичных для современной цивилизации, особенно для американского общества с его идеологией успеха и потребления, не вписывается в традиционную фрейдовскую модель и требует иного теоретического и клинического подхода.

Кохутовская модель, разработанная им в терапии нарциссических расстройств личности, получила название «модель дефицита». Модель дефицита, в отличие от модели конфликта, предполагала, что в психическом развитии индивида, страдающего нарциссической патологией, не были достаточным образом развиты значимые психические структуры, которые остались дефицитными и требуют внешнего содействия (в частности профессиональной помощи психолога) для возобновления их задержанного развития. Фрейдовская же модель конфликта предусматривала, что психика невротика и без того переполнена усвоенными извне регулятивными психическими структурами, содержаниями и принципами, требующими лишь осознания и реорганизации посредством психоаналитической терапии.

Кохутовская же модель дефицита предполагала, что психоаналитику следует не просто обнаруживать в психике пациента универсальные конфликты на почве сексуальности и деструктивности, но способствовать возобновлению задержанного психоэмоционального развития, удовлетворяя потребности пациента в росте самоуважения и в эматической связи с могущественным помощником. Выделение таких чисто психологических и субъективных потребностей, а не биологически обусловленных и укорененных, было значимым шагом в развитии психоаналитической психологии. В то же время эти потребности концептуально кодировались и схематизировались как потребности «биполярной самости» (селф) в связях со своими «селф-объектами» (объектами самости), которые обеспечивают связность, слитность и непрерывность переживания себя (самости, селф). Позже к двум селф-объектным потребностям Х. Кохут добавил третью – селф-объектную потребность ощущать собственное единство и сходство с другими, чему в его теории соответствовала «дуга напряжения» между полюсами биполярной самости. В этих теоретических построениях мы отчетливо видим смешение двух тенденций. С одной стороны, это установка на более последовательный психологизм в описании и понимании человеческих переживаний. С другой стороны, мы видим навязчивое стремление обезопасить свои теории от обвинений в ненаучности посредством эксплуатации канонов наукообразия (а также путем причисления собственных теорий к «великой» традиции). Причем последняя тенденция лишней раз свидетельствует о том, насколько сложно, даже почти невозможно, для западной психологии полностью преодолеть сциентизм и натурализм, механицизм и редукционизм. Хотя стремление преодолеть сциентизм, натурализм, механицизм, редукционизм – наиболее значимая тенденция в развитии современных западной философии, психологии, гуманитарных наук, эти тенденции, похоже, обречены снова и снова увязать в амбициозных претензиях самовлюбленных авторов, готовых подкрепить собственные мыслительные откровения самой немислимой терминологией.

На философско-методологическом уровне рефлексии можно констатировать, что для послевоенной западной психологии и психотерапии как раз и были характерны тенденции на деобъективацию человека и человеческих переживаний, на утверждение гуманистических ценностей, на отказ от детерминизма, натурализма и сциентизма, на возвеличивание метода эмпатии. Хотя для гуманистических послевоенных дискурсов 1950–1960-х годов были характерны отмеченные тенденции, зачастую им не хватало глубины и основательности, что оборачивалось очередной околугуманистической демагогией и графоманией. Впрочем, появление и популяризация подхода Х. Кохута именно в это время выглядят глубоко неслучайным. Обращение к теме эмпатии, развития самости и психической зрелости в подходе Х. Кохута – это также реакция институционального научно-ориентированного американского психоанализа того времени на непредвиденный триумф экзистенциально-гуманистических дискурсов, успешной риторике которых сложно было что-либо противопоставить, оставаясь в рамках классических психоаналитических теорий с их выраженным пессимизмом, сциентизмом и натурализмом. Возможно, именно данный фактор сыграл определяющую роль в том, что Х. Кохут, его подход и последователи сохранили свои позиции в рамках институционализированного психоанализа, а сам Х. Кохут инспирировал множество оригинальных последователей, в частности так называемый интересубъективный подход.

3. Позиция Х. Кохута в отношении Г.С. Салливана.

Есть еще один значимый момент, на котором мы подробно остановимся в связи с подходом Х. Кохута и в связи с главной задачей нашего исследования – прояснение причин забвения новаций Г.С. Салливана в тени успеха его более удачливого коллеги. Так произошло исторически, что Х. Кохут повторил на новый лад многие идеи, ранее озвученные Г.С. Салливаном, но именно с именем Х. Кохута эти идеи ассоциируются сегодня. Сам же Х. Кохут всячески попытался дистанцировать себя от каких-либо ассоциаций с опальным и «забытым» Г.С. Салливаном. Далее мы приведем развернутое обоснование данных тезисов.

Из трех программных монографий «позднего» Х. Кохута имя Г.С. Салливана упоминается лишь в первой, изданной в 1971 году и озаглавленной «Анализ самости» [1]. Это белое упоминание носит характер вовсе не признания заслуг Г.С. Салливана, но являет, скорее, торжественное заверение в полной несостоятельности интерперсонального и ему подобных подходов. Так, название интерперсональной школы демонстративно взято Х. Кохутом в кавычки, а ее идейные наработки оценены им как типично одномерный подход к объяснению психопатологических феноменов, исходя исключительно из отсылок к психотическим процессам и ранним стадиям развития [1, с. 303]. Разумеется, Г.С. Салливан вовсе не был приверженцем генетического редукционизма, каким его попытался представить Х. Кохут. Не вдаваясь в обсуждение научно-этических изъянов кохутовской позиции в отношении Г.С. Салливана, отметим, что и последователи Х. Кохута восприняли манеру голословно утверждать о разительном контрасте между достижениями своего учителя и «непродуманным интерперсонализмом» [4, с. 45]. Как видно, даже потенциальные единомышленники предпочли (вероятно, для усиления собственного имиджа новаторов) отмежеваться от Г.С. Салливана и проигнорировать его реальные заслуги. В дальнейших монографиях Х. Кохута – изданном в 1978 году «Восстановлении самости» [3] и в «How does analysis cure?» [9], опубликованной посмертно и не переведенной на русский язык, имя Г.С. Салливана не упоминается. На тяготение самого Х. Кохута к интерперсональной парадигме, в частности, указывает авторитетный представитель американской эго-психологии (в поздний период своего творчества осуществивший значимый дрейф в сторону интерперсональных и нарративных идей) Мертон Гилл в статье «Интерперсональная парадигма и степень вовлеченности терапевта» [8, р. 203].

В своей ранней программной статье «Интроспекция, эмпатия и психоанализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией» [2], опубликованной

в 1959 году, Х. Кохут упоминает Г.С. Салливана лишь единожды. При этом, хотя в этой знаменитой статье прямо или косвенно затрагивается чисто «салливановская» проблематика, сам Г.С. Салливан упоминается лишь двусмысленного упоминания в подстрочной сноске [2, с. 290].

Уточним, что под «салливановской проблематикой» в рассматриваемой статье Х. Кохута мы понимаем следующее:

1) акцентирование роли эмпатических связей в психическом развитии;

2) методологическую рефлексию с критикой спекулятивных конструкций классической метапсихологии;

3) стремление к строгому ограничению области применения психоаналитических понятий (принцип операционализма у Г.С. Салливана);

4) антиредукционистская ориентация на более последовательный психологизм в психоаналитических теориях;

5) определение переживаний в качестве основного предмета психоаналитического исследования;

6) осознание повышенной эмоциональной уязвимости (в частности, к малейшим проявлениям отвержения) людей с тяжелыми психическими расстройствами, из чего следовал курс на модификацию техники классического психоанализа (разработанной З. Фрейдом для лечения невротических пациентов).

Добавим, что, в отличие от Г.С. Салливана, занимавшего интерперсональную точку зрения, Х. Кохут выходил на отмеченную проблематику с позиций примата методов эмпатии и интроспекции для психоаналитической теории и практики. Такую позицию можно условно назвать эмпирической, соотнося ее в широком смысле с новоевропейским эмпиризмом, восходящим к Френсису Бэкону и Джону Локку. Эта методологическая позиция Х. Кохута, пусть и недостаточно последовательно, акцентировала предметность переживаемого опыта, ограничивая в правах спекулятивный метод классического психоанализа, который преимущественно апеллировал к дистанцированным от непосредственного опыта (и подменяющим его) умозрительным конструкциям. Очевидно Х. Кохуту не удалось в полной мере уйти от классических психоаналитических спекуляций, позднее задачу по критическому исправлению такого рода непоследовательностей взяла на себя ученики Х. Кохута, разработавшие интересующий подход в психоанализе [5, с. 32–48]. Более фундаментальная непоследовательность Х. Кохута и позднее интересующих нас состояла в некорректном и несколько восторженном восприятии эмпиризма, в его эмпатически-интроспективной разновидности с невниманием к ряду присущих эмпиризму методологическим затруднениям.

Слабость эмпиризма – в игнорировании того, что сам опыт во многом обусловлен такими внеопытными факторами, как организующая активность нашего ума, общие понятия, социо-культурные реалии. Поскольку факты опыта всегда уже интерпретативно обработаны и теоретически нагружены, наивно утверждать о чистом опыте или о чистых фактах, на передний план выходит проблема условий и обусловленности опыта. Неприемлемость возведения эмпатии в ранг некоего эксклюзивного метода гуманитарного познания афористично сформулировал немецкий психолог Герман Эббингауз еще в конце XIX века. Полемизируя с приверженцем эмпатии В. Дильтеем, Г. Эббингауз утверждал: «Привилегии правильного угадывания не имеет никто» [цит. по: Куренной 2002: 99]. Эта формулировка означала, что единичных эмпатических описаний, взятых самих по себе, еще недостаточно для общезначимых выводов. Иначе говоря, опора на метод эмпатии требует осознания такого недостатка, как субъективизм. Разумеется, повышение значимости и надежности эмпатии, как и других эмпирических методов, вполне возможно. Однако эта возможность связана не с догматическим превознесением метода эмпатии самого по себе, а с кропотливой оптимизацией концептуального аппарата, методологических и нормативных принципов.

Очевидно, Х. Кохут недостаточно представлял исторические корни и слабые стороны своей методологической программы, полагая следование методам эмпатии и ин-

троспекции панацеей как для разрешения клинических проблем, так и для избегания ловушек психоаналитического метаязыка. Очевидно и то, что Х. Кохут не был склонен к признанию каких-либо заслуг Г.С. Салливана в отмеченных проблемных полях.

Имя Г.С. Салливана Х. Кохут упоминает в контексте надуманного противопоставления эмпатически-интроспективного метода психоанализа и метода внешнего наблюдения, применяемого в социальной психологии, из чего следовало столь же надуманное противопоставление «внутреннего» опыта и «внешних» интерперсональных отношений [2, с. 289–292]. В контексте такого противопоставления отстаиваемый Г.С. Салливаном метод участвующего наблюдения трактовался Х. Кохутом как простое сочетание «этих двух теоретических подходов» [2, с. 290]. Х. Кохут добавлял, что позиция Г.С. Салливана игнорирует специфические различия невротической и психотической патологии, то есть строит теорию психических расстройств, в которой «самые разные клинические явления можно рассматривать как разновидности или степени шизофрении» [2, с. 290]. Разумеется, такие избирательные утверждения сводили позицию Г.С. Салливана к абсурду, что недопустимо для честной научной полемики. «Реалистичному» представлению теории психических расстройств Г.С. Салливана посвящена шестая глава монографии Ф.Б. Эванса [7, р. 131–160]. Если коротко, то салливановский подход к психопатологии ориентировался на определение паттернов неадекватных интерперсональных отношений (психотерапия же понималась как коррекция и развитая трансформация проблемных паттернов). Такая позиция представляла радикальную альтернативу классическому нозологическому подходу, трактовавшему психические болезни как некие «автономные» сущности и игнорировавшему коммуникативную подоплеку психопатологического модуса существования. В интерперсональном подходе Г.С. Салливана, наоборот, акцент переносился на качество участия психотерапевта, определяемого как специалистом по интерперсональной коммуникации. Таким образом, метод участвующего наблюдения принимался Г.С. Салливаном вовсе не из компилятивных соображений, но в силу осознания неизбежности влияний, оказываемых присутствием «наблюдателя» на ситуацию психотерапевтического взаимодействия. Эта «очевидная» интуиция позже безоговорочно (и без упоминания Г.С. Салливана) была принята авторами интересующего подхода в качестве ведущего принципа: «Уникальность психоанализа как науки состоит в том, что наблюдатель является в то же время и объектом наблюдения...» [5, с. 14].

Не углубляясь в сравнительное исследование подходов Г.С. Салливана, Х. Кохута и Р. Столору, можно констатировать, что ни Х. Кохут, ни интересующие нас не пожелали честно оценить заслуги своего выдающегося предшественника. В случаях же, когда они ссылались на автора интерперсонального подхода, эти иезуитские упоминания были столь изобретательны, что фактически сводили позицию Г.С. Салливана к образцовой глупости. Так или иначе, несправедливость Х. Кохута и Р. Столору в отношении давно ушедшего Г.С. Салливана бросает явственную тень на эмпатически-интроспективный вектор модернизации психоанализа.

Заклучение. Подводя итог, можно сказать, что если классический психоанализ формировался под определяющим воздействием натурализма и сциентизма XIX века, а в дальнейшем догматическое апеллирование к авторитету З. Фрейда надолго законсервировало эти метафизические предпосылки, то в интерперсональном психоанализе произошла соответствующая XX веку модернизация в духе методологии гуманитарных наук. Центральным мотивом интерперсональной модернизации психоанализа Г.С. Салливана стало переосмысление и углубленное внимание к проблематике переживаний и коммуникации. Тем не менее, в силу описанных нами исторических коллизий эмпатически-интроспективная модернизация психоаналитической методологии, предпринятая Х. Кохутом и его последователями, затмила значительно ей предшествующие и лучше обос-

ваные новации интерперсонального проекта Г.С. Салливана. Перспективой дальнейших исследований видится продолжение анализа методологических новаций Г.С. Салливана, а также исторических причин столь скромного, несоответствующего их действительному значению признания.

Литература

1. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Х. Кохут ; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 2003. – 368 с.
2. Кохут Х. Интроспекция, эмпатия и психоанализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией / Х. Кохут // Антология современного психоанализа / под ред. А.В. Россохина. – М. : Институт психологии РАН, 2000. – Т. 1. – 2000. – С. 282–299.
3. Кохут Х. Восстановление самости / Х. Кохут ; пер. с англ. А.М. Воковой. – М. : Когито-Центр, 2002. – 316 с.
4. Куренной В.А. Прологомены к анализу теоретического содержания и общее эпистемологическое затруднение / В.А. Куренной // Герменевтика. Психология. История. [Вильгельм Дильтей и современная философия] : материалы научной конференции РГГУ / под ред. Н.С. Плотникова. – М. : Три квадрата, 2002. – С. 82–102.
4. Салливан Г.С. Интерперсональная теория психиатрии / Г.С. Салливан ; пер. с англ. О. Исаковой. – СПб. : Ювента ; М. : КСП+, 1999. – 347 с.
5. Столору Р. Клинический психоанализ. Интерсубъективный подход / Р. Столору, Б. Брандшафт, Д. Атвуд ; пер. с англ. – М. : Когито-Центр, 1999. – 252 с.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ : [лекции] / З. Фрейд. – М. : Наука, 1991. – 456 с.
7. Evans F.B. Harry Stack Sullivan. Interpersonal Theory and Psychotherapy / F.B. Evans. – London : Routledge, 1996. – 255 p.
8. Gill M. The Interpersonal Paradigm and the Degree of the Therapist's Involvement / M. Gill // Contemporary Psychoanalysis. – 1983. – Vol. 19. – № 2. – P. 200–237.
9. Kohut H. How Does Analysis Cure? / H. Kohut ; Ed. by A. Goldberg, with the collaboration of P. Stepansky. – Chicago, London : The University of Chicago Press, 1984. – 254 p.

Аннотация

Романов А. А. Г. С. Салливан в тени Х. Кохута: историко-философская реконструкция. – Стаття.

В статье рассматриваются логика методологической модернизации психоанализа в интерперсональном подходе Г.С. Салливана и в селф-психологии Х. Кохута, а также исторические обстоятельства исчезновения первого со страниц «великой истории» и триумфа последнего. Формируясь на рубеже XIX и XX веков, классический психоанализ З. Фрейда испытал огромное интеллектуальное влияние натуралистических и сциентистских представлений. В отличие от З. Фрейда, Г.С. Салливан ориентировался на методологию стремительно развивавшихся в XX веке гуманитарных и со-

циальных наук. Основной интенцией Г.С. Салливана было стремление уйти от механистического концептуального аппарата классического психоанализа к более «человекоразмерной» лексики. В данном подходе переживания становились главным предметом исследования. Основным вектором новаций Х. Кохута стал эмпатически-интроспективный метод, который предполагал умеренный отход от классической метапсихологии З. Фрейда.

Ключевые слова: Г.С. Салливан, Х. Кохут, интерперсональный психоанализ.

Анотація

Романов О. А. Г. С. Салливан у тіні Г. Кохута: історико-філософська реконструкція. – Стаття.

У статті викладено логіку методологічної модернізації психоаналізу в інтерперсональному підході Г.С. Саллівана й селф-психології Г. Кохута, а також історичні обставини зникнення першого зі сторінок «великої історії» і тріумфу останнього. Формуючись на рубежі XIX і XX сторіч, класичний психоаналіз З. Фрейда зазнав величезного інтелектуального впливу з боку натуралістично-сциентичних уявлень. На відміну від З. Фрейда, Г.С. Салліван орієнтувався на методологію гуманітарних і соціальних наук, що нестримно розвивалися у XX столітті. Основною інтенцією Г.С. Саллівана було прагнення відійти від механістичного концептуального апарату класичного психоаналізу на користь більш «антропологічної» лексики. У цьому підході переживання ставали головним предметом дослідження. Головним вектором новаций Г. Кохута був емпатично-інтроспективний метод, що припускав частковий відхід від класичної метапсихології З. Фрейда.

Ключові слова: Г.С. Салліван, Х. Кохут, інтерперсональний психоаналіз.

Summary

Romanov O. A. H. S. Sullivan in the shadow of H. Kohut: historical and philosophical investigation. – Article.

The article elucidates the logic of methodological modernization of psychoanalysis in the interpersonal approach of H.S. Sullivan and in the self-psychology of H. Kohut. The article elucidates the historical circumstances of disappearance of approach of H.S. Sullivan from the pages of history in connection with triumph of H. Kohut. Formed at the turn of the XIX and XX century classical psychoanalysis of Sigmund Freud was influenced deeply by dominating ideas of naturalism and scientism. As distinct from Freud Sullivan orientated on the methodology of humanity and social science. The main intention of Sullivan was re-orientation from mechanistic conceptual apparatus of classical psychoanalysis to more «human» language. In this approach the experiences were the main subject of investigation. The main intention of H. Kohut was method of empathy and introspection, that meant deferential departure from the classical metapsychology of S. Freud.

Key words: H. S. Sullivan, H. Kohut, interpersonal psychoanalysis.